КУБОК БРЭДБЕРИ

Т.Шевченко
НИКОГО НЕ ЖАЛЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Известнейший режиссер завел виртуального двойника — а как же еще можно попадать на все светские мероприятия, вручения премий и успевать одновременно работать? Вот и теперь он отправил на церемонию премии «Дженни» своего дубля, но всё пошло не так, как ожидалось…

Победитель конкурса «Кубок Брэдбери» 2018 г. в номинации «Киберпанк».

- Татьяна Шевченко
  - ○

Татьяна Шевченко
Никого не жаль

— Ты готова, дорогая? — не отрываясь от повисшего в воздухе информатория, крикнул Хайт. Из ванной донеслось нечто звонкое и нечленораздельное — должно быть, жена опять меняла форму губ. И так всякий раз, когда супруги собираются куда-нибудь вместе в виртуальности: Ленни смотрит на созданный в прошлый раз ею самой аватар, ужасается, запирается в одном помещении с зеркалом и не выходит, пока не приведёт себя, по её словам, «в пристойный вид».

Хайт вздохнул. Поглядел на часы в углу информатория: уже через час вручение очередной кинопремии, — а ведь они с Ленни планировали отправиться на Фабрику зрелищ! Опять она затянула выбор внешности… Ничего страшного, в конце концов великодушно решил он. Премии имеют значение только для свечения ими перед зрителями: смотрите, какой гений ваш любимый режиссёр! Несите ему как можно больше денег!

…И несут, несут…

А с женой сто лет не выбирались никуда. Она даже начала думать, что Хайт ей изменяет — хотя, как ни странно, всю жизнь единственной его любовницей была работа. Работа, приносящая средства на счёт — для Ленни, для детей, для престарелой матери. Чтобы жить на вершине небоскрёба в вертящейся квартире и иметь возможность пользоваться виртуалкой столько, сколько захочется.

Хотя есть ещё один плюс — особенно важный, когда ты уже стар. Если твоё имя на устах у многих… как там сказал один русский поэт? «Нет, весь я не умру?»

То-то же.

Итак, вечный выбор — работа или семья! Хорошо, что Федерико, помощник старого режиссёра, для таких случаев ещё пять лет назад подогнал ему программу-двойника.

— Старт, «свободный Джеки», — произнёс Хайт. Словосочетание специально выбиралось как можно более странным — чтобы не активировать программу случайно во время разговора. Двойник возник прямо перед ним, одетый в тёмный костюм-двойку и яркую жёлтую рубашку. Ботинки безукоризненно отражали окружающие текстуры.

Хайт одобрительно кивнул, оглядывая двойника сверху вниз — несмотря на то, что сам режиссёр сидел в низком мягком кресле, а двойник стоял.

— Сегодня в 19.00. Программа «вручение премии».

— Использовать речь номер три, когда победим? — поинтересовался двойник.

— К чему этот официоз! — Хайт зашёлся снисходительным смехом. — Используй сценарий вручения «Джемми» за прошлый год, и речь оттуда бери.

— Да, сэр. Вариации на моё усмотрение?

— На твоё, — добродушно разрешил Хайт. — Ну давай, иди.

Двойник исчез. Хайт подумал, что с тех пор, как ему предоставили тестовую программу, двойник стал просто незаменимой вещью. Пожалуй, даже слишком. Надо попробовать отказаться от него на время…

Хлопнула дверь. Вдоль огромных зеркал, покрывавших стены коридора, проплыла модель с белокурыми волосами, в обтягивающем платье и живой лисой на шее. Лиса, увидев Хайта, скучно зевнула.

— Ну как я тебе, дорогой? — томно спросила жена. Следовало ответить «Ты прекрасно сегодня выглядишь», но Хайт ляпнул:

— Может, хоть немножко станешь похожей на себя?

— Ты ничего не понимаешь, — поджала губы супруга, и Хайт был вынужден с этим согласиться: в подобных вещах он абсолютно ничего не понимал.

* * *

Фабрика зрелищ встретила их дешёвым драконьим рёвом, миганием разноцветных ламп и трейлером последнего фильма Хайта. В зале, выглядевшем абсолютно пустым — конечно, ведь других посетителей они и не могли видеть, — сидел только доброжелательного вида усатый человек. Он предложил им на выбор список; Хайт нацелился побывать в составленном недавно одним молодым творцом зрелище «Водный мир в космосе», но жена воспротивилась.

— Там же совсем нет сюжета, а у тебя всегда он есть, — возмутилась она. — Пойдём в твой «Цирк»!

— Он же старый. Ты десять раз его смотрела.

— И что? Лучше всё равно никто не снял. Хоть из режиссёров зрелищ, хоть из режиссёров фильмов.

Они пошли на «Цирк».

Люди бесновались, глядя на манеж; там человек хлыстом бил громадного льва. Щёлк — рёв толпы — скулёж зверя, встающего на задние лапы. Зрители, чьи лица меняли цвет от падавшего на

них света: синие, красные, зелёные. Хайт и Ленни вопреки сценарию прошлись по залу: в его зрелищах мир всегда был продуман до мелочей. Из озорства жена надела какому-то лысому человеку на голову стоявший рядом с ним торт и захихикала.

Затем по сценарию они спустились вниз; номер заканчивался, а истязания льва за прошедшие годы порядком надоело Хайту. Он пошёл по той ветви сценария, которой раньше никогда не пользовался: отобрал у дрессировщика хлыст.

В них незамедлительно начали стрелять. Весело смеясь, супруги поднялись по верёвочной лестнице под купол цирка, а оттуда вылезли наружу. Хайт наблюдал, как, радостно визжа, жена скользит по брезенту и падает куда-то вниз; затем прыгнул сам.

В этот момент зазвонил телефон. Рефлексы сработали быстрее, чем мысль; Хайт не хотел брать трубку — и вот она уже в руках, и палец нажал на вызов.

Секунду они молча смотрели друг на друга — Хайт и его помощник Федерико. Ветер взъерошил кудрявую шевелюру режиссёра, глаза заслезились.

— Ну? — буркнул он наконец. — Я занят.

— А, тестируешь своё старое зрелище, — понимающе кивнул Федерико. Хайт не желал тратить лишнее время на восхваление себя, — и так даже в сети спокойно не появиться без того, чтобы кто-нибудь не узнал и не начал петь дифирамбы. Поэтому режиссёр раздражённо повторил:

— Ну?

— Дело срочное. Тебе нужно на премию «Дженни».

— Я в курсе. Я послал туда двойника.

— Вот с ним-то и беда, — откликнулся помощник. В этот момент шатёр под Хайтом кончился, и он шмякнулся на натянутую чётырьмя клоунами спасительную ткань. Тут же, зловеще хохоча, они стали заворачивать своего творца в кокон. — Он у тебя запрограммирован бить главного судью по морде?

— ЧТА? — вопль Хайта заставил замереть действие вокруг. Клоуны застыли, точно кто-то нажал стоп-кадр; у одного рукав стал нечётким, и сквозь него просвечивал зелёный фон. Из соседнего кулька, удерживаемого ещё четырьмя злодеями, выглянула растрёпанная жена.

— Что-то случилось?

— Нет, ничего особенного, дорогая. Продолжаем, — Хайт натянул на лицо улыбку. Помедлив секунду, жена скрылась в кульке. Клоуны деловито засуетились; действие зрелища продолжилось как ни в чём ни бывало.

— Что он сейчас делает? — прошипел Хайт в телефон.

— Бьёт судейскую коллегию. Надо сказать, он хорошо держится. Ты загружал в него программу по дзюдо?

Вместо ответа Хайт гаркнул:

— Перезагрузка, «свободный Джеки»!

После этой команды двойник должен был появиться прямо перед своим хозяином. Но — черт побери! — этого не случилось. Хайт отчаянно шарил глазами вокруг, пока чёртовы клоуны не спеленали его окончательно и не понесли куда-то.

— Он ещё здесь, — в темноте послышался голос помощника. — Он завалил охранную программу! Шеф, это какая-то ошибка… этого просто не может быть…

— Первый сбой за пять лет, и где! — застонал Хайт. — На вручении важной премии!.. я выезжаю к вам. СТОП!

Зрелище снова остановилось. Хайт выбрался из кулька, нелепо раздавая тумаки воздуху; пнул одного из клоунов под зад и, приоткрыв второй куль, ласково сообщил жене, что вынужден отлучиться по работе. На все возражения, что сейчас начнётся самое интересное, только разводил руками.

— Так я и знала, что у тебя кто-то есть, — надула обиженно губки та. — Ну и «ПРОДОЛЖИТЬ»!

И скрылась в кульке.

Хайт обернулся. Клоуны ожили; оглядели пустоту в своих руках, переглянулись. Один из них, отличавшийся от остальных синими носом и волосами, — насколько помнил Хайт, главный злодей зрелища, — жестом фокусника достал из рукава ружьё. Он выстрелил своему творцу в голову, возвращая того в главный зал с усатым администратором.

* * *

Хайт не успел.

Когда он ворвался в виртуальный зал премии «Дженни», двойник уже улизнул. Кресла судей были разломаны; один из них застрял в текстурах и сидел рядом с креслом, тихонько подвывая. Зрители перешёптывались; на сцене расшаркивался Федерико.

— …программы тоже дают сбои, и эта программа будет непременно… а вот и сам Роберт!

Камеры и взгляды обернулись к нему. Хайт молча поднял ладонь и кивнул.

Слов не оставалось.

Федерико заверил комиссию, что ущерб будет возмещён, и убежал со сцены прямо в лапы начальника. Стараясь сохранить бодрый вид, он ещё издали начал говорить:

— Всё прекрасно, босс! Я дал общественности опровержение, теперь…

— Можешь засунуть себе это опровержение, — прохрипел Хайт. — Они всё равно запомнят, что это *я* побил судей.

Федерико остановился поодаль и поджал губы.

— Понял, шеф.

— Хоть за дело? То есть почему он их побил?

— Я полагаю, потому, что тебе не дали главную награду. Победил фильм про паровоз-трансгендер, желающий стать парикмахером.

— А, чёрт их… — на долю секунды Хайт понял своего двойника. С трудом разжав кулаки, он прошипел: — Где этот цифровой?

— Шеф, он под контролем. Мы следим за ним.

— У меня всегда всё под контролем! — рявкнул Хайт. — Звони ребятам, пусть задержат его.

Федерико вдруг помялся, глядя на сцену. Там актрисе из последнего фильма Хайта вручали статуэтку. Член жюри с застрявшей в сломанном кресле ногой перестал скулить и теперь выглядел максимально невозмутимо. Хайт приглушённо прикрикнул на подчинённого, и тот наконец сказал:

— Я уже отдал приказ. Они не могут задержать его. Твой двойник на площади Аквариумов — ты помнишь, где по периметру такие большие стеклянные ящики с водой… Понимаешь, он очень резвый. Шустро плавает между этими рыбинами… сбой в программе, говорю же! Он даже не даёт подойти к нему.

— Взламывайте… Это же чёртова программа, а не человек!

— На это понадобится время. И средства.

Хайт его понял.

— Значит, отправьте запрос директору рекламного агентства «Супер и Ко». Он много инвестирует в мои проекты, расквитаемся.

— Да, шеф. Сейчас будет.

— Какого чёрта ты мне насоветовал этого Джеки, — в сердцах бросил Хайт. — Теперь в памяти людей я останусь скачущим по аквариумам! Чтоб тебя… а говорил: самообучаемый, саморазвивающийся…

Федерико вдруг хмыкнул, и Хайт, успевший его изучить, и сам чуть нервно не рассмеялся. Действительно: программа, видимо, самообучилась. И саморазвилась. Не надо было отправлять её вместо себя на йогу, хех. Просветлился, небось!

Внезапно Федерико прислушался к чему-то и вдруг вытянувшись доложил:

— Только что передали: программа требует разговора с тобой, шеф.

— Э-э-э, зачем? — возмутился Хайт. — Я режиссёр, а не силовик и не программист. Я должен быть, так сказать, вне процесса. Руководить…

— Но тем не менее она требует тебя на переговоры.

Хайт призадумался. Предложил:

— Тогда отправить другого двойника? Сможешь достать?

— Зачем, шеф? Просто согласись на встречу, а я тебе дам кое-что… — Федерико запустил руку в карман и вытащил крошечного льва. Рот льва был открыт; помощник нажал на кнопку, и из пасти зверя вылетел мыльный пузырь. Пузырь вылетел и, переливаясь радостно, прилип к стоявшему рядом креслу и лопнул.

Лопнуло и кресло.

— Это небоевой вирус, — объяснил Федерико. — Он отключает программы. Людей, соответственно, выкидывает в реальность, так что абсолютно безопасен и разрешён для ношения. Понимаешь? А там и хакеры из «Супер и Ко» подоспеют…

— Да, — Хайт взял игрушку в руки и с уважением начал разглядывать. — Почему ты мне её не предлагал раньше?

— Предлагал. Правда, не уверен, был ли это ты или твой двойник. — полюбовавшись вытянутым лицом шефа, Федерико заметил: — Но ты тогда всё равно отказался.

— Уволю, — коротко произнёс Хайт, положив игрушку в карман. — Веди… к свободному Джеки.

* * *

На площади Аквариумов они и встретились. Вообще-то это было простенькое зрелище ещё тех времён, когда виртуальность только зарождалась, а Хайт был молодым режиссёром без денег на лишний проезд в автобусе. За стёклами, как и много лет назад, скручивались узоры из скумбрий, разевали пасти громадные акулы, вертелись любопытные дельфины; Хайт готов был поклясться, что парочка из последних — репортёры.

— Из-за тебя я всё-таки поругался с женой. А ещё у меня проблемы с судьями, — сообщил Хайт лицу за стеклом, так похожему на отражение. Оно шевельнулось; всплыло на поверхность. Неуверенно перекинуло ногу через бортик.

Спрыгнуло. Хайт отметил, что костюм двойника абсолютно сух.

Тем временем программа ответила:

— Первое было неизбежно. А второе я вычислил на основе твоих собственных слов и поступков. Как и запрограммирован.

— У тебя сбой, — Хайт небрежно достал из кармана игрушечного льва и тут же пожалел, что вирус не выглядит как тяжёлый, красивый ствол. Это было бы изящной картинкой.

— Отключатель, — двойник кивнул, — Федерико молодец.

Первый мыльный пузырь полетел в двойника. Чудом тот успел уклониться, и аквариум у него за спиной взорвался.

— Но ты поступил бы именно так! — крикнул двойник. — Ведь ты — это я!

— Врёшь. Я — это я, и только, — отрезал Хайт и выстрелил ещё раз. Второй пузырь угодил сквозь стекло в дельфина; на миг мелькнула камера — всё-таки репортёр! — и животное исчезло.

— Об этом я хотел поговорить, Хайт! Опусти свою пушку!

Всё ещё полный злобы до состояния кипения, Хайт ещё раз нажал на курок. Промахнулся — то ли рука дрогнула, то ли просто с непривычки. Давно в стрелялки не играл. Надо будет потренироваться.

Ещё один аквариум схлопнулся в точку. Двойник, лёжа на земле, завопил:

— Мы оба не отличаемся храбростью, Хайт! Я сдаюсь!

— Замолчи, — процедил режиссёр и нажал на курок. И снова в последний момент двойник успел убрать голову, и пузырь лопнул камень на мостовой. Под камнем висела чёрная бездна.

— Я жил твоей жизнью, Хайт! У меня есть твои речи, твои манеры, твой образ мыслей. Я слышал твои детские воспоминания и помню некоторые моменты лучше тебя самого. Я могу снимать фильмы, как ты! И даже проектировать зрелища и ходить туда с твоей женой!

— Ты об этом хотел со мной поговорить? Ты недоволен тем, что я не отправил тебя с женой? — Хайт фыркнул, поигрывая стволом.

— Я знаю кое-что! Что ты боишься смерти, Хайт, — вскрикнул двойник.

— Ошибаешься.

— Боишься! Иначе бы не снимал фильмы, чтобы тебя запомнили потомки! И не говори, что ты делаешь это только ради денег! Ты хочешь «весь не умереть»!

— Секрет Полишинеля, — невольно дрогнув голосом, отвечал Хайт. Тут же мысленно выругался: сам себе и спротиворечил. «Это что же — двойник умнее меня? — спросил себя режиссёр, проникаясь ещё большей неприязнью к программе. — С ним надо быть осторожнее…»

— Какое это имеет отношение ко мне?

— Загрузи в меня всё своё сознание, — двойник поднял голову, глядя оригиналу прямо в лицо. — Я стану тобой. Со всем твоим нехитрым личностным скарбом. Я смогу даже снимать фильмы, как ты, и твоё лицо и твоё имя останутся незабвенными столько, сколько будет жить сеть. Ты будешь заседать в совете директоров, получать призы на фестивалях — всё как обычно. Ты будешь жить не просто в памяти людей, а в сети. Поступать как обычно; думать как обычно. Не это ли то, чего ты хотел?

На миг у Хайта аж дух захватило. Жить вечно! Чёрт, это-то точно выпадало не каждому режиссёру…

— Личность — это только багаж памяти, имя и маркеры, — продолжал двойник, подползая к ногам Хайта. — Ещё Стивен Хокинг сто лет назад сравнивал мозг с компьютером и предлагал загружать информацию с одного носителя на другой, продлевая личность.

— Я этого не знал.

— Теперь знаешь. Видишь? Мы стали ближе друг к другу. Более похожими…

Двойник протянул дрожащую руку к ботинку Хайта. Режиссёр брезгливо отпрянул.

Когда уже хакеры наконец взломают эту дрянь?

— То есть это всё делается, чтобы после моей смерти *от моего* имени какая-то программа творила неконтролируемую дичь? Нет, мне это невыгодно, парень, — сказал Хайт, чтобы потянуть время. Отступил ещё на шаг назад. Двойник вдруг оскалил зубы в улыбке и оказался стоящим прямо перед Хайтом. Что за чёрт?! Он же только что стелился…

— Парни-кажется-мне-нужна-помощь, — пробормотал режиссёр.

— Да, тебе нужна помощь, Хайт! Твоему дряхлому телу! Думаешь, я не знаю, что ты такой бодрый и замечательный только в виртуальности? Как тяжело тебе, восьмидесятилетнему, возвращаться в реальность? Давай по-хорошему, творец. Пока я предлагаю!

— Ф-ф-федерико, — заикнулся Хайт. Затем, вдруг вспомнив про игрушку в руке, упёр пасть льва в грудь двойнику. — Я и так з-загрузил в тебя всё, что мог, жалкая пародия!

Вместо ответа Хайт почувствовал: что-то, несравненно более серьёзное, чем небоевой вирус, упирается ему в грудь.

«Он хочет убить меня, чтобы стать единственным и официальным мной, — понял Хайт. — Для этого он меня и звал».

«Чёрт. А ведь на его месте я поступил бы точно так же».

Это — последнее, обжигающее — откровение пришло к нему с выстрелом.

В последний момент он сам успел нажать на курок.

* * *

Золотые ангелята парили в воздухе, забавляясь с музыкальными инструментами. Один отобрал у другого дудочку; тот не обиделся и достал откуда-то целое облачко и начал на нём играть, как на рояле. Третий начал щекотать четвёртого выпавшим из крыла пёрышком; оглянулся на наблюдателя и засмеялся, показывая пухлым пальчиком.

Было легко. Очень.

Потом он вспомнил, что проектировал это зрелище для своей спальни.

Он сел в кровати.

Жена. Аватар спокоен, но то и дело из-за маски вырываются всхлипы — короткие, хлёсткие, как пощёчины. Дети: старший на стуле у кровати — только проснулся, хлопает глазами; второй у окошка, замер со странным выражением на лице. Какие-то люди; Федерико.

— Всё прекрасно, босс!

Обращается официально. Значит, камеры. Где-то здесь.

— Что… что происходит? — нахмурился Хайт. Ощущения в теле были… не было. Ничего не было.

Даже страха, которого стоило бы ожидать.

Хайт задумчиво начал щупать голову. Забавно: он ощущал её только пальцами.

— Вас убила программа. Но вы успели её демонтировать, — отрапортовал Федерико. — Так что вы погибли героем. К счастью, двойник использовал оружие старого поколения, ваш мозг умирал медленно… и ребята из «Супер» успели загрузить вас на сервер, босс. На основе улучшенного двойника — только это вы. Совсем вы, босс.

Хайт убрал руки от головы.

— Вы продлили мою личность? Сделали меня бессмертным?

— Ну почему бессмертным, — вдруг смутился Федерико. — Вы можете стереть себя в любой момент, босс… как вам угодно! Но мы подумали, что вам захочется жить… это беспрецедентно!

«Да он подумал, что я недоволен, — удивился Хайт. — Мой голос звучит недовольно… как обычно в таких случаях». Режиссёр попытался понять: а что на самом деле он ощущает?

…не получилось.

А сам Федерико уже немолод, подумалось Хайту. Я никогда не видел его вне сети; а теперь знаю — ему шестьдесят три.

Тридцать лет по пути, лучший друг… решился даже на рискованный эксперимент, чтобы помочь. Ведь никто никогда до этого не… хватит.

Хайт сел. Поднялся. Поцеловал рыдающую за маской жену; обнял детей. Как делал стандартно, с вероятностью в 87,7 %.

Нет — никаких стандартно. Просто как всегда.

«Смешно, — подумалось ему. — А я-то считал, что, если это сделать, программа будет вытворять от моего имени всякую дичь. А я ведь теперь сам программа и прекрасно всё контролирую. Я умер — и вот он я. Я остался собой. Господи, спаси технический прогресс».

И совсем ничего страшного.

Только дивная вечная жизнь.

Хайт рассмеялся от облегчения и закружил жену в счастливом танце.

* * *

— Дорогой, ты готов?

— Минутку, — ответил Хайт, дополняя свою структуру информацией о свежих сплетнях. Секунду он выглядел прежним. Затем в режиссёре словно нажали на переключатель: он прямо-таки просиял улыбкой, словно вспомнил о чём-то приятном, и поинтересовался: — Побрызгалась ли ты духами от «Супер и Ко» — духами для светских дам?

— Побрызгалась, побрызгалась, — терпеливо отвечала жена. — Идём. Как я тебе?

— Отлично выглядишь сегодня! — продолжал муж; затем переключатель в нём перевели в прежнее положение: брови опустились, у рта вновь образовались жёсткие складки.

Супруги специально остановились у входа, чтобы, против своего обыкновения, Хайт сделал фото себя и жены на фоне вывески «Зрелищ». Когда вошли, долго здоровался с администратором: то оба на одной ноге попрыгают, то кулаками стукнутся, то подошвы ботинок друг к другу приложат и выкрикивают: «Фабрика зрелищ — лучшее место для досуга!». Ленни закрыла лицо руками: она знала, что где-то сейчас работает камера и что остановить это она не в силах.

Жена Хайта могла бы списать это на чудачества старика, вновь обретшего тело. Но проблема была совсем иного сорта.

Не так давно к ней приходили вежливые люди. Рекламщики, как она поняла. Из той компании, с которой при жизни сотрудничал Хайт. Предложили колоссальную сумму за

разрешение вмешаться в программу, в которой была записана личность её мужа, и кое-что подправить. «Ему об этом говорить необязательно, вы понимаете». Ленни этого допустить не могла и со скандалом, который потом ярко осветили в прессе, выгнала их.

Рекламщики не расстроились. Они были вежливы и смеялись, когда Федерико уводил их.

Теперь она знала, почему.

«А сколько их ещё? Каких-нибудь служб безопасности, пиар-агентств, которым нужна «мёртвая душа», покупающая и рекламирующая товар, шпионящая и говорящая то, что нужно им? Сколько ещё изменений они внесут? Да и ладно бы какого-нибудь нищего взяли… Но за что они так именно с моим мужем, великим, гениальным, в конце концов, другом для них всех? — безнадёжно думала Ленни, глядя на радостно пляшущую оболочку, когда-то бывшую тем, кого она так сильно любила. — По-хорошему, отключить бы его…»

Ленни думала об этом не в первый раз.

Но она знала: рука не поднимется.

И все они это тоже знали.